DOI: 10.31249/rsm/2023.04.04

П.М. Мозиас, А.В. Щербакова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА СТРАН БРИКС К МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРАХ БРАЗИЛИИ И КИТАЯ)

Аннотация. *Разработанная под эгидой ООН концепция устойчивого развития предполагает, что развивающиеся страны могут одновременно и поддерживать быстрый экономический рост, и решать задачи сохранения окружающей среды. Однако в реальности для достижения такого баланса требуется пройти долгий путь. Гипотеза об «экологической кривой Кузнеца» (ЭКК) предусматривает, что на ранних стадиях индустриализации загрязнения и деградация окружающей среды в стране усиливаются, но после достижения определенного уровня подушевого ВВП тенденция меняется на противоположную. Иначе говоря, «устойчивое развитие» становится возможным только при сравнительно высоком уровне подушевого дохода. Эти закономерности прослеживаются в статье на примерах двух государств БРИКС: Бразилии как ресурсообеспеченной страны с плюралистической политической системой и Китая как ресурсодефицитной страны с партократическим политическим режимом.*

Бразилия является классическим примером страны, щедро обеспеченной всеми необходимыми ресурсами для экстенсивного роста. Поэтому для нее переход к интенсивному росту не является экзистенциальной задачей. Однако обладание такими природными богатствами накладывает на страну определенные обязательства по их сохранению.

У китайского партократического государства набор инструментов экологической политики не сводится только к правовым и экономическим, он включает в себя и политико-идеологические методы воздействия на общество. Однако эффективность их относительно невысока, главным образом – из-за неразделенности государственных и корпоративных элит. Сохранение среды «мягких бюджетных ограничений», т.е. доступность госфинансирования для предприятий, провоцирует создание все новых загрязняющих окружающую среду производственных мощностей.

С середины 2010-х годов экологическая ситуация в Китае стала меняться к лучшему, что связано как с усилением централизма в природоохранной политике, так и с активизацией деятельности экологических неправительственных организаций. Возможно, «поворотный пункт» ЭКК уже пройден, по крайней мере в наиболее развитых восточных провинциях Китая. Однако дальнейшее движение вдоль ЭКК может тормозиться самими сложившимися политическими и экономическими институтами. Изучение опыта и Бразилии, и Китая полезно для адекватного прогно-

зирования тех экологических проблем, с которыми может столкнуться Россия в случае ускорения экономического роста.

***Ключевые слова**: БРИКС; Бразилия; Китай; устойчивое развитие; экологическая кривая Кузнеца.*

**Мозиас Пётр Михайлович – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН,
доцент департамента мировой экономики Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Россия, Москва.
E-mail: pmozias@hse.ru**

**Щербакова Алина Вячеславовна – кандидат экономических наук,
доцент департамента мировой экономики Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»
и кафедры Иберoамериканских исследований Российского университета
дружбы народов. Россия, Москва.
E-mail: ashcherbakova@hse.ru**

Mozias P.M., Shcherbakova A.V. Prospects for the BRICS countries to switch to a sustainable development model (evidence of Brazil and China)

***Abstract.** The concept of sustainable development created under the auspices of the United Nations assumes that developing countries can simultaneously carry out a rapid economic growth and solve environmental conservation problems as well. However, in reality, it takes a long way to achieve such a balance. The hypothesis of the «environmental Kuznets curve» (EKC) presupposes that in the early stages of industrialization, pollution and environmental degradation in the country increase, but after reaching a certain level of per capita GDP, the trend changes to the opposite. In other words, «sustainable development» becomes possible only with a relatively high level of per capita income. These patterns are traced in the article drawing from the examples of the two BRICS states: Brazil, as a resource-rich country with a pluralistic political system, and China, as a resource-deficient country with a partocratic political regime.*

Brazil is a classic example of a country generously provided with all the necessary resources for extensive growth. Therefore, for it, the transition to intensive growth is not an existential task. However, the possession of such natural resources imposes certain obligations on the country to preserve them.

In the Chinese party-state, the set of environmental policy tools is not limited only to legal and economic ones, it also includes political and ideological methods of influencing society. However, their effectiveness is relatively low, mainly due to the inseparability of bureaucratic and corporate elites. The preservation of the «soft budget constraints», i.e., the availability of state financing for enterprises, provokes the creation of new polluting production facilities.

Since the mid-2010s, the environmental situation in China has begun to change for the better, which is due to both the strengthening of centralism in environmental policy and the intensification of the activities of non-governmental environmental organizations. Perhaps the «turning point» of the EKC has already been passed, at least in the most developed eastern provinces of China. However, further movement along the EKC may be hindered by the established political and economic institutions themselves. Studying the experience of both Brazil and China is useful for an adequate prediction of the environmental problems that Russia may face in the event of accelerated economic growth.

Keywords: *BRICS; Brazil; China; sustainable development; environmental Kuznets curve.*

Mozias Petr Mikhailovich – PhD in Economics, Leading Researcher, Department of Asia and Africa, INION RAN; Associate Professor, Department of World Economy, National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: pmozias@hse.ru

Shcherbakova Alina Vyacheslavovna – PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economy, National Research University Higher School of Economics, Associate Professor, Department of Iberoamerican Studies, People's Friendship University of Russia. Russia, Moscow.
E-mail: ashcherbakova@hse.ru

Государства БРИКС уже в силу своих масштабов (величин национальных ВВП, численности населения, да и размеров территории) предрасположены к тому, чтобы выступать в качестве представителей развивающихся стран в многосторонних дискуссиях по глобальным проблемам. Это касается и экологической повестки дня, здесь, как и при обсуждении чисто экономических вопросов, развитым и развивающимся странам трудно находить взаимоприемлемые решения ввиду объективных различий интересов.

Правительства развивающихся стран в своей внутренней политике ориентируются прежде всего на поддержание достаточно высоких темпов экономического роста с тем, чтобы эффективно решать задачи преодоления бедности, повышения уровня жизни населения. Структурной основой экономического роста в относительно бедных странах является индустриализация, а это означает, что нагрузка на природную среду по мере процесса развития резко усиливается: увеличиваются и объемы потребляемых экономикой естественных ресурсов, и масштабы сопутствующих загрязнений.

Надо сказать, что концепция устойчивого (т.е. совмещающего в себе экономические и экологические приоритеты) развития появилась на свет на рубе-

же 1980–1990-х годов как результат своеобразного компромисса. Развивающиеся страны видели в попытках Запада добиться от них четких обязательств по ограничению ущерба для окружающей среды угрозу для собственного экономического роста. Поэтому на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) они настояли на трактовке экологических вопросов не как самостоятельных, а как составной части широкой социально-экономической проблематики [Рогожина 2013, с. 4].

Под устойчивым развитием понимается такое, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу интересы будущих поколений, обеспечивает не просто экономический рост, а приобщение широких масс населения к пользованию его плодами [Бобылев 2017, с. 108–109; Report of the World Commission on Environment and Development, p. 16]. Причем концепция устойчивого развития утверждает, что учет экологических соображений сам по себе может повысить не только качество, но и темпы экономического роста.

Производственные возможности увеличатся из-за минимизации потерь используемых природных ресурсов. Другим благоприятным для экономического роста фактором на стороне предложения станет то, что улучшение здоровья людей и их социального самочувствия ускорит накопление человеческого капитала, т.е. запаса знаний, умений и производственных навыков, которыми располагает общество. А потребительский спрос, как основной непосредственный драйвер прироста ВВП, будет расширяться вследствие сглаживания неравенства доходов.

Такие соображения находят поддержку у некоторых авторитетных западных экономистов. Широкий резонанс получила гипотеза М. Портера, который утверждает, что если экологическое регулирование эффективно, то оно вызывает к жизни волну «зеленых» технологических инноваций. В результате увеличиваются производительность и конкурентоспособность предприятий и решаются не только природоохранные задачи, но и достигается более высокая скорость прироста ВВП, а издержки экологического регулирования тем самым компенсируются [Porter, Van der Linde 1995].

Но все же принятые ООН Цели развития тысячелетия (2000) и Цели устойчивого развития (2015) – это, скорее, «горизонт», к которому нужно стремиться, а не набор четких практических рекомендаций. Для их одновременной реализации нужны согласование и координация действий очень большого числа акторов, это касается не только разнородных коалиций государств с неодинаковыми уровнями развития и сферами внешнеторговой специализации, но и социальных сил и лоббистских группировок внутри отдельных стран. На практике параллельно и быстро наращивать ВВП, и придерживаться щадящего подхода к окружающей среде получается с трудом. К тому же сочетание этих целей не просто противоречиво, а их баланс меняется со временем.

На пути к гармонии

Осознание эмпирических свидетельств того, что общество сначала достигает в ходе индустриализации сравнительно высокого уровня благосостояния и лишь потом берется по-настоящему за решение природоохранных задач, было формализовано Дж. Гроссманом и А. Крюгером в гипотезе об «экологической кривой Кузнеца» (ЭКК) [Grossman, Krueger 1995]. Речь идет о том, что на ранних стадиях модернизации страны загрязнения и деградация окружающей среды усиливаются, но после прохождения «поворотного пункта» (turning point), т.е. при достижении определенного уровня подушевого ВВП, тенденция меняется на противоположную. Тогда получается, что «устойчивое развитие» – это атрибут нисходящего участка ЭКК: при высоком уровне подушевого дохода экономический рост не усугубляет загрязнения, а, наоборот, способствует улучшению качества среды обитания[1]. Специалисты, признающие существование ЭКК, описываемую ею динамику объясняют по-разному:

– структурными сдвигами, происходящими в развивающейся экономике (сначала от преобладания сравнительно экологически щадящего сельского хозяйства к доминированию загрязняющей среду обрабатывающей промышленности, а затем – к повышению удельного веса сферы услуг, где уровень загрязнений ниже);

– внешнеторговой специализацией развивающихся стран на экологически «грязных» трудо- и ресурсоемких товарах, недоступностью для этих стран более «чистых» технологий и нежеланием их внедрять по экономическим соображениям, тогда как сравнительные преимущества развитых стран лежат в сфере производства товаров и услуг, где нужны высокие технологии и высокое качество человеческого капитала;

– формированием финансовых условий для инвестиций в экологию в связи с увеличением совокупного богатства общества; усилением спроса на более высокое качество окружающей среды в результате роста располагаемых доходов и удовлетворения спроса на товары и услуги массового потребления;

– изменениями типа расселения: загрязнения достигают пика, когда промышленность концентрируется в мегаполисах, но они уменьшаются, если индустриальное развитие становится более дисперсным, а значительная часть населения переезжает жить в пригороды [Мозиас 2016, с. 281–282].

Концепция ЭКК не является общепризнанной. Некоторые ее критики утверждают, что рост подушевого ВВП и увеличение отходов и выбросов происходят параллельно, а иллюзия существования ЭКК порождена тем, что темпы

1. Очевидным прообразом этой концепции является высказанное в 1950-е годы С. Кузнецом предположение о том, что по мере индустриализации неравенство доходов сначала резко усиливается, а потом постепенно сглаживается [Kuznets 1955].

экономического роста в развитых странах медленнее, чем в развивающихся [Stern 2004]. Но в любом случае и большинство сторонников гипотезы об ЭКК не считают, что уменьшение загрязнений после прохождения «поворотного пункта» происходит автоматически. Для этого нужны осознанные действия общества и государства, не склонных далее мириться с нарастанием экологических угроз.

Если рассматривать ЭКК как вполне разумную рабочую гипотезу, то имеет смысл предположить, что конкретные проявления описываемых ею закономерностей определяются спецификой той или иной страны, в том числе масштабами ее экономики. Особенности крупных развивающихся стран заключаются, в частности, в следующем.

Во-первых, чем больше население страны, тем сильнее антропогенное давление на ограниченные естественные ресурсы и среду обитания. Даже если территория государства тоже велика, то все равно в ходе модернизации население склонно концентрироваться в небольшом числе промышленных центров, которые становятся главными очагами экологического неблагополучия.

Во-вторых, в крупных государствах, даже если они формально не являются федеративными, административно-территориальное устройство все равно по необходимости сложное, иерархичное. Это затрудняет координацию усилий разных уровней власти, нужную для осуществления экологической политики, из-за значительной асимметрии информационного обмена и связанных с ней возможностей оппортунистического поведения «нижних» звеньев управленческой системы.

В-третьих, крупные развивающиеся страны вносят значительный вклад в общемировое загрязнение окружающей среды, но страдают от него меньше, чем, скажем, малые островные государства, самому существованию которых угрожает подъем уровня Мирового океана в результате глобального потепления. Поэтому крупные развивающиеся страны в экологическом диалоге с Западом обычно отстаивают приоритеты хозяйственного развития, стремятся гарантировать себе возможности дальнейшего продвижения по пути индустриализации. Но все же поскольку крупные развивающиеся страны уже создали в своих экономиках основы диверсифицированного промышленного комплекса, то их позиции по экологической проблематике в 2000–2020-е годы стали отличаться от мнения совсем уж бедных стран. Если те вообще не хотят связывать себя природоохранными обязательствами, то крупные развивающиеся страны признали остроту экологической ситуации в мире и проявили готовность к определенным уступкам.

В данной статье присущая крупным развивающимся странам динамика природоохранной политики прослежена на примерах двух стран БРИКС. Для рассмотрения были взяты: Бразилия как страна относительно ресурсообеспеченная (о чем свидетельствуют сравнительно высокий удельный вес сырьевых

товаров в ее экспорте и малая зависимость от импорта углеводородов, в том числе благодаря значительной доле альтернативных источников энергии в топливном балансе), и Китай как относительно ресурсодефицитная страна (низкая подушевая обеспеченность природными ресурсами сочетается у КНР с долей импорта во внутреннем потреблении нефти, превышающей 70%).

При отборе страновых кейсов принимались во внимание и различия политических систем: нестабильной плюралистической демократии в бразильском случае и партократического режима в случае с Китаем. Если в конечном счете сущность экологического регулирования заключается в ограничении текущего потребления домохозяйств и инвестиций компаний ради выгод от сохранения окружающей среды, которые проявятся только в будущем, то представляет особый интерес вопрос, как справляются с этим непопулярным выбором разные политические системы.

«Тропический гигант» на распутье

Для Бразилии проблема балансирования между быстрым экономическим ростом и сохранением среды обитания стоит особенно остро: страна является рекордсменом по биоразнообразию, а Амазония по праву считается регионом, обеспечивающим экологическую устойчивость всей планеты. При этом приверженность экологической повестке для Бразилии, с ее огромными ресурсами – это все же, скорее, череда вынужденных, нежели сознательных, мер.

Например, структура энергобаланса Бразилии с середины прошлого века претерпела значительные изменения. Если в 1965 г. на нефть приходилось 65% выработки энергии, а остальные источники сильно отставали по размеру долей в энергобалансе, то в 2021 г. картина выглядит совершенно иначе: доля нефти снизилась до 35%, с незначительным отставанием далее идет гидроэнергетика (27%), ветровая и солнечная энергия в сумме дают 7%, остальные возобновляемые источники энергии (ВИЭ), в первую очередь, биотопливо, – 5% [Our World in Data]. Этим Бразилия обязана в первую очередь нефтяным шокам 1970-х годов, которые заставили активно задуматься над альтернативной энергетикой, ведь свою шельфовую нефть Бразилия обнаружит позже.

Бразилия является одним из пионеров производства биотоплива первого поколения: сразу после нефтяных шоков правительство Бразилии начало реализовывать программу Proalcool, официально запущенную в 1975 г. и стимулирующую производить биоэтанол из сахарного тростника [Bajay 2004, p. 118]. Столь ранний старт позволил Бразилии занять лидирующие позиции по производству и экспорту биоэтанола, уступая лишь США.

При этом с точки зрения состояния экологии Бразилия не может похвастаться особыми успехами: Бразилия является одним из региональных лиде-

ров по эмиссии CO_2 и других парниковых газов, в первую очередь – метана, который является верным спутником животноводства. Страна также входит в десятку стран мира, осуществляющих наибольший объем выбросов парниковых газов в атмосферу [Our World in Data]. Несмотря на наличие государственных природоохранных программ, загрязнение воздуха остается большой проблемой, так как при выработке законодательных инициатив не учитывалась неравномерность развития бразильских штатов, ряд из которых просто не в состоянии выполнить обязательства по сокращению выбросов.

Охрана окружающей среды и борьба с любыми формами загрязнения официально закреплены в статье 23 Конституции Бразилии, датируемой 1988 годом [Constituição da República Federativa do Brasil]. Первым актом природоохранного законодательства был Лесной кодекс, созданный в 1934 г. и модифицированный в 1965 и 2012 гг. [Código Florestal Brasileiro]. Впоследствии были опубликованы Закон о защите фауны (1967) [Lei No 5.197], Декрет-закон о защите и стимулировании рыболовства (1967) [Decreto-lei No 221] и Закон о Национальной экологической политике (1981). Последний подчеркивает, что «национальная экологическая политика направлена на сохранение, улучшение и восстановление качества окружающей среды, благоприятной для жизни, с целью обеспечения в стране условий для социально-экономического развития, интересов национальной безопасности и защиты ценности человеческой жизни» [Lei No 6.938].

Также существуют законы карательного характера, такие как Закон об экологических преступлениях [Lei No 9.605]. Он устанавливает уголовную и административную ответственность для тех, кто совершает поступки и действия, наносящие вред окружающей среде.

Важно подчеркнуть, что упомянутые бразильские законы об охране окружающей среды действуют на федеральном уровне. Также существуют отдельные природоохранные законы у всех бразильских штатов.

На основании документа о Национальной экологической политике была создана Национальная экологическая система, включающая:

1. Национальный совет по окружающей среде (консультативный и совещательный орган);

2. Министерство охраны окружающей среды (главный регулятор);

3. Бразильский институт окружающей среды и возобновляемых источников энергии (федеральный орган надзора);

4. Региональные органы и местные органы, действующие на локальных территориях [Джандубаева, Ерофеева 2018, с. 47].

Причины стремления Бразилии к сохранению экологической устойчивости объясняются, в том числе, серьезнейшим вниманием к «легким планеты» со стороны широкой международной общественности. Особенно ярко это проявилось в период нахождения у власти Жаира Болсонару, чья пагубная

экологическая политика стала объектом резкой критики внутри страны и за рубежом. Несмотря на то что обещанное слияние Министерства окружающей среды с Министерством сельского хозяйства Болсонару так и не совершил [Guimarães de Araújo 2020, p. 003], он произвел ряд преобразований, которые не могли остаться без активного сопротивления как внутри страны, так и вовне. Под широким давлением общественности Болсонару был вынужден отказаться от большинства своих антиэкологичных проектов и взять курс на более экологически устойчивый рост страны. Это особенно ярко прослеживается в Федеральной стратегии развития Бразилии 2020–2030.

В документе содержатся планы по переходу на следующую ступень экономического развития, с учетом экологических вызовов. Ярким примером служит раздел, посвященный сельскому хозяйству. Аграрный сектор Бразилии, в работе по модернизации которого страна с 1980-х годов безусловно совершила «чудо», не всегда отличался экологической устойчивостью. Бразильцев обвиняли и в сведении лесов, и в превращении саванн в сельскохозяйственные регионы, и в использовании слишком большого числа удобрений, что приводило к засолению почв. Все эти обвинения имеют под собой основания, что послужило поводом для развития сельскохозяйственных технологий. В Федеральной стратегии развития Бразилии 2020–2030 подчеркивается роль бразильского агробизнеса как элемента достижения качественного и здорового образа жизни для всего мира посредством эффективного производства и поставок сельскохозяйственных товаров и услуг. При этом в качестве основы бразильского аграрного сектора приведены пять стратегических составляющих: устойчивость (sustentabilidade), биоэкономика (bioeconomia), цифровое сельское хозяйство (agricultura digital), открытые инновации (inovação aberta) и современные продовольственные системы (sistemas alimentares contemporâneos) [Estratégia Federal, p. 21].

Бразильская сельскохозяйственная исследовательская корпорация (Embrapa) дает более подробный перечень того, что в себя включают указанные стратегические составляющие. Так, к ним относятся прогрессивная биология, биоэнергетика, социальное биоразнообразие, точная ферментация, вертикальное земледелие, инновационные продукты питания, создание технопарков и хабов, работа с большими данными в сельском хозяйстве и пр. [Trento 2021].

Таким образом, Бразилия делает ставку на дальнейшее повышение наукоемкости сельского хозяйства, но теперь во главу угла ставится органическое (биодинамическое) сельское хозяйство в сочетании с повышением уровня цифровизации сельскохозяйственной деятельности (агротехнологии). На бразильском рынке уже действуют более 1,5 тыс. компаний, предоставляющих консалтинговые услуги, оборудование и программное обеспечение для эффективного ведения сельскохозяйственной деятельности [ibid].

Юй Гун двигает горы

Мнение о том, что авторитарные режимы обладают определенными преимуществами в эффективности природоохранной политики по сравнению с демократическими, достаточно распространено в исследовательской литературе. Логика рассуждений здесь следующая. Авторитарная власть обладает высокой степенью автономии от общества. Ей не нужно принимать во внимание соображения, связанные с электоральным циклом, т.е. задумываться о том, что ужесточение экологического регулирования вызовет недовольство значительной части избирателей, для которых оно будет означать ограничение их возможностей как потребителей и соискателей рабочих мест на предприятиях-загрязнителях.

Полномочия по осуществлению экологической политики в авторитарных государствах сосредоточиваются в немногих госструктурах, и кажется относительно легким делом укомплектовать их компетентными и некоррумпированными представителями элит. Подключение общества к решению природоохранных задач можно свести к найму технократов и ученых. Большинство же населения можно просто мобилизовать на реализацию поставленных элитами целей, т.е. и бизнес, и рядовых людей можно просто административными методами заставить выполнять природоохранные предписания. Все это, как предполагается, позволяет автократам осуществлять долгосрочную стратегию защиты окружающей среды, тогда как экологическая политика в демократических странах – это продукт согласования интересов многочисленных групп влияния, а потому она склонна к избыточным компромиссам и нестабильна [Eaton, Kostka 2014; Ahlers, ShenYongdong 2018].

Практика китайского партократического государства вроде бы подтверждает эти соображения уже просто тем, что в распоряжении властей КНР имеется гораздо больший набор инструментов экологического регулирования, чем в демократических странах. За годы реформ в Китае сложилось весьма объемное и дифференцированное природоохранное законодательство. Его «стержень» – это Закон КНР об охране окружающей среды (принят в 1989 г., радикально изменен в 2014 г.). Его дополняет целый ряд правовых актов, касающихся отдельных, конкретных направлений природоохранной деятельности[2].

2. В их числе: Закон КНР об охране окружающей среды морей и океанов (редакции 1982, 1999 гг.); Закон КНР о противодействии загрязнению водных ресурсов (1984, 1996, 2008); Закон КНР о предупреждении и борьбе с загрязнениями водных объектов (2017); Закон КНР о предотвращении загрязнения почв (2019); Закон КНР о противодействии загрязнению атмосферного воздуха (1987, 2000); Закон КНР об охране диких животных (1988, 2004); Закон КНР о предотвращении загрязнения среды твердыми отходами (1995, 2004); Закон КНР о предотвращении шумового загрязнения окружающей среды (1996); Закон КНР о противодействии опустыниванию и контроле над ним (2001); Закон КНР о предотвращении радиоактивного загрязнения (2003); Закон КНР об охране морских островов (2009).

Еще в 1980-е годы, на начальном этапе рыночных реформ, с предприятий стали браться плата за вредные выбросы и штрафы за экологические правонарушения. Но величины их были незначительными и многие предприятия предпочитали просто платить их на регулярной основе, а не тратиться на устранение причин загрязнений. Поэтому с 2018 г. такие платежи были заменены экологическим налогом на различные виды загрязнений, а получателями его стали не природоохранные, а налоговые органы, что призвано было ужесточить платежную дисциплину и повысить собираемость.

Как и на других направлениях реформ, многие экологические нововведения сначала реализуются как локальные эксперименты. К примеру, механизм торговли квотами на выбросы парниковых газов с 2003 г. отрабатывался в четырех провинциях (Хэнань, Цзянсу, Шаньдун и Шаньси) и трех городах (Шанхай, Тяньцзинь и Люйчжоу), а общенациональная система рыночного перераспределения квот была запущена лишь в июле 2021 г.

Еще в 2007–2008 гг. правительство издало ряд нормативных актов, направленных на развитие в Китае «зеленых» финансов: о «зеленом» кредите (т.е. привязке банковского финансирования предприятий к соблюдению экологических стандартов), «зеленых» IPO (доступе ресурсоемких предприятий на фондовую биржу только при выполнении ими определенных природоохранных требований), «зеленом» страховании (речь идет о том, что предприятия страхуют риски возможного загрязнения, и в случае техногенной катастрофы на предприятии пострадавшие и потерпевшие ущерб могут получить компенсацию от страховой компании, клиентом которой является данное предприятие). С 2015 г. в КНР стал создаваться рынок «зеленых» облигаций: средства от их размещения вкладываются в энергосбережение, строительство очистных сооружений, утилизацию отходов и т.д.

Альтернативная энергетика (прежде всего – ветровая и солнечная) в 2010 г. была включена Госсоветом КНР в перечень «новых стратегических отраслей». Ее развитие поддерживается методами промышленной политики (ценовыми субсидиями, мерами внешнеторгового протекционизма в отношении производителей соответствующего оборудования и т.д.).

Но природоохранный арсенал китайского государства включает в себя и политико-идеологические методы воздействия на общество. Экологическая риторика уже давно вошла в лексикон КПК. Еще в середине 1990-х годов в партийно-правительственных документах появились утверждения, что устойчивое развитие является неотъемлемой частью «социализма с китайской спецификой». На XVII съезде КПК (2007) был провозглашен курс на строительство «экологической цивилизации». В докладе на XIX съезде (2017) Си Цзиньпин включил перелом тенденции к ухудшению среды обитания к «трем тяжелым битвам», которые должен выиграть Китай (наряду с искоренением бедности и поддержанием финансовой стабильности).

Начиная с IX пятилетки (1996–2000) задания по уменьшению эмиссии отдельных видов поллютантов и снижению удельной энергоемкости единицы ВВП стали включаться в планы социально-экономического развития страны. Дифференцированные нормативы разверстываются общекитайским Центром между провинциальными правительствами, а те, в свою очередь, спускают соответствующие разнарядки на уровень уездов, отраслей и крупных предприятий. Для их выполнения часто задействуется традиционный для Китая метод политических кампаний. Они затрагивают и население (наиболее наглядный пример – это то, что граждане вовлекаются в искусственное лесонасаждение ежегодным проведением Дня посадки деревьев, в котором участвуют и подают личный пример руководители партии и государства) и предприятия (время от времени отбирается определенное их символическое число, например тысяча, и от них требуют образцового выполнения плановых заданий по энергосбережению и ограничению вредных выбросов).

В реализации экологической политики используется и система оценки деятельности руководящих кадров на местах вышестоящими инстанциями. Надо сказать, что у китайских партийных и государственных чиновников отношение к ней трепетное, ибо их назначают на ту или иную должность в регионах на относительно короткие сроки (обычно не более пяти лет), а от соблюдения установленных для них количественных ориентиров зависят перспективы дальнейшего карьерного продвижения, в том числе перевода в Пекин.

Изначально экологические показатели в этой системе считались «мягкими», т.е. обязательными для выполнения, но не критически важными, тогда как показатели прироста производства и инвестиций были «твердыми», их невыполнение обесценивало успехи по всем другим направлениям. Но в начале XI пятилетки (2006–2010) центральное правительство рекомендовало провинциям и экологические показатели считать «твердыми», хотя окончательное решение было оставлено на усмотрение тех местных правительств, которые устанавливают критерии для чиновников нижестоящих уровней.

Так что вроде бы за охрану природы китайские власти взялись уже давно и делают для этого много. Но экологическую обстановку в КНР до сих пор трудно охарактеризовать иначе, как очень тяжелую, и нельзя не признать, что экологический кризис стал «платой» за происходившее в годы реформ ускоренное промышленное развитие.

В дополнение к своему давнему «лидерству» по выбросам двуокиси серы КНР в 2006 г. сменила США в роли крупнейшего в мире источника выбросов углекислого газа. Удельный вес Китая в мировой эмиссии CO_2 увеличился с 12,8% в 2000 г. до 27,0% в 2019 г. Для сравнения, на США в 2019 г. приходилось 11,0%, на Индию – 6,6, на Евросоюз – 6,4, на Индонезию – 3,4, на Россию – 3,1% общемировых выбросов. Основная причина

загрязнения воздуха в Китае – это то, что ведущая роль в генерации электроэнергии остается за углем, он все еще широко используется и в быту в целях отопления.

Хотя доля угля в топливно-энергетическом балансе и снизилась за последние десятилетия (в 1990-е годы она достигала в среднем 75%, а в 2022 г. составила 56,2%), но она все еще очень велика. Кроме того, абсолютные размеры потребления угля продолжают увеличиваться по мере прироста промышленного производства и ВВП. Неслучайно в 2021 г., в ходе постпандемийного оживления экономики, доля Китая в глобальных выбросах двуокиси углерода подскочила до 33,0% [Zheng Siqi, Kahn 2017, p. 72; Council on Foreign Relations; National Bureau of Statistics of China].

Урбанизация и рост располагаемых доходов домохозяйств актуализировали еще один источник загрязнения атмосферы. В Китае началась эпоха массовой автомобилизации, купить машину могут себе позволить уже десятки миллионов семей представителей среднего класса. Рост автомобильных выхлопов привел к увеличению концентрации в воздухе таких поллютантов, как окислы азота.

В первые десятилетия XXI в. смог стал привычным явлением не только для отдельных китайских городов, но и для целых провинций. В прогнозах погоды стали говорить не только о температуре и влажности воздуха, но и об ожидаемом уровне атмосферного загрязнения. Прошли времена, когда оно усиливалось под воздействием выбросов какого-то одного вредного газа. Теперь смог порождается присутствием в воздухе PM2,5 – мелких (диаметром менее 2,5 микрон) твердых частиц, образующихся вследствие комбинированного влияния многих поллютантов. Частицы PM2,5 могут проникать в организм человека не только через органы дыхания, но и через кожу, вызывая тяжелые болезни. По оценкам, ежегодно в Китае 1,2 млн человек умирают от заболеваний, вызванных загрязнением атмосферы.

Дефицит пресной воды в Китае издавна был острой проблемой: дело не только в перенаселенности страны, но и в том, что на значительной ее части для ведения земледелия нужно искусственное орошение. Ныне на Китай приходится около 20% населения мира, но он располагает лишь 6% глобальных ресурсов пресной воды. Главным фактором обострения водного дефицита на рубеже XX–XXI вв. стало загрязнение рек и озер промышленными и бытовыми стоками. В начале 2010-х годов экспертные оценки по поводу того, какая доля речных и озерных вод уже небезопасна для использования в быту и хозяйственных целях, варьировались от 30 до 70%.

Благополучию людей угрожает и загрязнение почв. Вредные вещества, в том числе соли тяжелых металлов, найдены на 20% площадей, занятых под сельское хозяйство, и 35% земель, отведенных под промышленную застройку. В качестве источников загрязнений выступают продукты разложения твердых

отходов (они поступают в почву в связи с выбросами производственного и бытового мусора), слитые в землю нефтепродукты, избыточно используемые и не усваиваемые растительными культурами пестициды и химические удобрения. В китайских СМИ то и дело обсуждаются скандальные ситуации, когда опасные для здоровья элементы обнаруживаются в поступающих в розничную торговлю продуктах питания [World Bank 2018, p. 20–21].

Получается, что китайская экологическая политика объемна и многоаспектна, но результативность ее невысока. Чем объяснить столь разительный диссонанс? Если просто предположить, что решение хозяйственных задач для властей более значимо, чем сбережение среды обитания, то это, может, и будет правильно по форме, но мало что прояснит по сути. Ведь на целеполагание властей влияют не только объективные потребности и концептуальные соображения, но и институциональная среда, в которой вырабатывается и осуществляется политика по обоим направлениям.

Я. Корнаи и его последователи давно показали, что даже в дореформенное время политико-экономические системы социалистических стран не были монолитными. За видимостью жесткого централизма скрывался сложный механизм «торгов», в ходе которых согласовывались интересы верхних и нижних звеньев управленческой иерархии [Kornai 1992]. А в ходе реформ в Китае произошла значительная децентрализация: провинциальные, уездные, городские правительства получили многочисленные дополнительные полномочия, включая распоряжение фискальными доходами и государственными активами. Возможности местных властей по отстаиванию собственных интересов возросли настолько, что еще в 1980-е годы западные эксперты стали употреблять для характеристики китайской политической системы термин «фрагментированный авторитаризм» [Lieberthal, Oksenberg 1988].

Местные правительства склонны проводить в отношении патронируемых ими предприятий политику *локального протекционизма*: они вводят административным путем ценовые надбавки на товары, ввозимые из других провинций Китая, или устанавливают прямые запреты на их сбыт; предоставляют местным инвесторам фискальные льготы; оказывают давление на местные отделения госбанков с тем, чтобы они кредитовали подконтрольные властям предприятия и т.д.

Благодаря доступу предприятий к государственным источникам финансирования инвестиционные риски минимизируются: инициаторы капиталовложений могут выиграть от реализации проектов, а возможные убытки все равно будут списаны на государство. Иначе говоря, и в современной переходной экономике Китая воспроизводятся свойственный еще традиционной командно-административной системе синдром «мягких бюджетных ограничений» и вызванный им «инвестиционный голод» (термины Я. Корнаи). Это и создает питательную среду для создания все новых производственных

мощностей в промышленности, в том числе в ресурсоемких, загрязняющих окружающую среду отраслях.

Правда, в 2010–2020-е годы китайская экономика вошла в состояние «новой нормальности», т.е. устойчивого замедления динамики ВВП и ослабления инвестиционной активности. Но и сейчас в ситуациях, когда темпы экономического роста становятся, по мнению властей, слишком низкими (например, из-за противопандемийных ограничений), правительство осуществляет меры монетарного и фискального стимулирования экономики, наращивает централизованные государственные капиталовложения. Местные правительства охотно подхватывают риторику в духе «Экономический рост любой ценой» и реализуют новые меры локального протекционизма. Результатами являются новое увеличение инвестиций в «грязных» отраслях и новое ухудшение экологической обстановки.

Предпосылки для преимущественного внимания государственной политики к экономической, а не экологической проблематике проистекают, таким образом, из самого системного устройства современного китайского хозяйства. Но важно и то, как осуществляется контроль за исполнением уже принятых природоохранных решений. В демократических странах важнейшую роль и в их инициировании, и в мониторинге их эффективности играют представители гражданского общества в лице экологических неправительственных организаций (НПО), которые в случае необходимости решают вопросы через суды. В Китае элементы такого «внешнего» контроля тоже уже появились, но деятельность НПО поставлена в жесткие рамки, а судебная система не является действенным противовесом влиянию государства и корпоративных структур.

Преобладает «внутренний» контроль верхних звеньев системы управления над нижними. Фактически это означает, что за тем, как реализуется политика по отношению к предприятиям-загрязнителям, следит то самое государство, которое связано с ними экономическими интересами. И это обстоятельство, и общая слабость «обратных связей» между обществом и государством не могут не сказываться на эффективности тех или иных инструментов экологической политики.

Планы по снижению ресурсоемкости производства и ограничению выбросов поллютантов на деле устанавливаются в ходе «торгов» между уровнями управленческой вертикали, т.е. в конечном счете так, чтобы в нужное время можно было ко всеобщему удовольствию отрапортовать о выполнении заданий. Нередко бывает и так, что они выполняются методом «штурма» в последний момент – с помощью отключений электричества в жилых домах или закрытия (но только временного) энергоемких производств.

Хотя в системе оценки местных руководителей статус экологических показателей и был повышен, но по факту и сейчас приоритетными остаются

показатели территориальной экономической динамики. Это так уже просто потому, что за предполагаемое короткое время пребывания в должности уездному или городскому начальнику нужно продемонстрировать некие результаты для того, чтобы заслужить повышение. Добиться этого проще, реализуя прецедентные, бросающиеся в глаза инвестиционные проекты, тогда как позитивные следствия природоохранных мер становятся заметными только со значительным временны́м лагом, их за четыре-пять лет службы в качестве местного руководителя можно и не дождаться.

Да и сама организация природоохранных служб в Китае наводит на мысли, что «фрагментированный авторитаризм» может создать условия для экстенсивного экономического роста, а вот с экологическими проблемами ему справляться гораздо труднее. Система строится так, что основы экологической политики вырабатывает специальное общенациональное ведомство. Оно было создано еще в 1984 г., но долгое время его бюрократический статус оставался невысоким: на уровне агентства, а с 1998 г. – госадминистрации. Лишь в 2008 г. ему был придан ранг Министерства охраны окружающей среды, а в 2019 г. название было изменено на «Министерство экологии и охраны окружающей среды».

Однако непосредственные распорядительные функции этого министерства и сейчас очень ограничены. Полномочия по интерпретации и осуществлению государственной экологической политики переданы в регионы, причем провинциальные бюро по охране окружающей среды фактически выступают лишь как представители общекитайского министерства, а основную тяжесть практической работы несут на себе экологические бюро на уровнях городов, уездов и волостей.

Они находятся в двойном подчинении – вышестоящему экологическому органу, с одной стороны, и соответствующему местному правительству – с другой. Важно, однако, что две стороны этого «уравнения» не равноценны. Проблема не только в территориальной удаленности местных бюро от их номинального ведомственного руководства, но и в финансовых основах их деятельности. Их функционирование обеспечивается не столько благодаря поступлениям средств от вышестоящих организаций, сколько за счет собственных доходов (до 2018 г. это была прежде всего вносимая предприятиями плата за загрязнения) и, что особенно важно, за счет поступлений из местных бюджетов. Иначе говоря, не только организационно, но и финансово городские, уездные и волостные бюро являются, прежде всего, подразделениями местных правительств.

Такое положение вещей заключает в себе мощный потенциал конфликта интересов. Если руководство муниципалитета поддерживает или спонсирует многочисленные индустриальные проекты, то местному бюро по охране среды крайне трудно настоять на соблюдении при этом экологических

требований. В то же время сами бюро часто оказывают предприятиям платные услуги – консультации на стадии проектирования и подготовленные с участием экологических чиновников проекты обычно не отвергаются. В саму систему экологического контроля привносится, таким образом, элемент «торга». Единые стандарты подстраиваются под конкретные ситуации, экологические чиновники склонны делать многочисленные исключения для отдельных предприятий [Мозиас 2016, с. 294–295].

Так что и здесь выясняется, что сложившаяся микроэкономическая среда склонна отвергать поступающие из Пекина призывы усилить природоохранную деятельность. Впрочем, было бы сильным упрощением трактовать существующую конфигурацию интересов так, что на уровне Центра озабочены состоянием окружающей среды и предлагают вполне разумные меры экологического регулирования, но их реализации препятствует локальный протекционизм.

На деле и общекитайские отраслевые министерства в своей поддержке крупных компаний (особенно государственных) склонны закрывать глаза на несоблюдение теми экологических обязательств. В то же время местные правительства могут воспользоваться предоставленными им правами для осуществления природоохранных инноваций в экспериментальном порядке. Местным руководителям это тоже может пойти в «плюс», если возглавляемые ими административные единицы получат статус «модельных», «образцовых» и т.д. и соответствующее дополнительное финансирование из вышестоящих бюджетов.

В общем, ситуация неоднозначна, и это нужно учитывать при прогнозировании ее эволюции. Количественные показатели свидетельствуют, что некоторое улучшение экологической ситуации в течение 2010-х годов все же было достигнуто, и это позволяет с осторожностью предполагать, что переломная точка ЭКК уже осталась позади, во всяком случае если говорить о наиболее развитых восточных провинциях Китая.

В наиболее густонаселенных городских районах концентрация PM2,5 снизилась к 2018 г. на 42% по сравнению с уровнем 2013 г., хотя нормы, установленные Всемирной организацией здравоохранения, концентрация PM2,5 в 2017 г. превышала в Пекине в 6 раз, а в Шанхае – в 4 раза [World Bank 2019, p. 49]. Улучшилось и качество воды на поверхности рек и озер. В 2021 г., по официальным данным, в семи крупнейших реках Китая было пригодно для использования в быту: в реках Янцзы и Чжуцзян – более 90%, а в Хуанхэ, Хуай и Ляо – более 80% массы воды. Но в реке Хай этот показатель не достигал 70%, а в Сунцзян он составлял чуть больше 60%, и ситуация там продолжала ухудшаться. При этом состояние подземных вод остается очень плохим: до 15% их не пригодно для какого бы то ни было использования [Ministry of Ecology and Environment].

Причины позитивных изменений тоже многогранны. Можно говорить о некотором усилении централизованного начала в природоохранной политике, а этому, в свою очередь, способствовало то, что Китай стал более активно участвовать в международных усилиях по предотвращению глобального потепления. До конца первого десятилетия XXI в. он избегал брать на себя четкие обязательства по климатической повестке, ссылаясь то на свои более низкие, чем в развитых странах, подушевые показатели вредных выбросов, то на историческую ответственность Запада за загрязнение атмосферы еще со времен Промышленной революции XIX в.[3]

Однако на рубеже 2000–2010-х годов китайский подход изменился: и потому, что КНР стала претендовать на роль действительно глобальной державы, причем не только амбициозной, но и ответственной; и потому, что ввиду достигнутых абсолютных размеров экономики и накопленного промышленного потенциала Китаю уже трудно выторговывать себе поблажки как слаборазвитой стране; и из-за остроты экологической ситуации внутри страны и исчерпанности прежней ресурсоемкой модели экономического роста, желания создать новые источники хозяйственной динамики в лице альтернативной энергетики, производства электромобилей, «чистых» биотехнологий и т.д.

В 2009 г. китайские власти взяли на себя обязательство снизить к 2020 г. эмиссию углекислого газа в расчете на единицу ВВП на 40–45% по сравнению с показателем 2005 г., эта цель, по официальным данным, была достигнута уже в 2017 г. В декабре 2015 г. КНР подписала, а в сентябре 2016 г. ратифицировала Парижское соглашение по климатическим изменениям. В нем записаны обещания Китая, что его выбросы парниковых газов достигнут пика в абсолютном выражении к 2030 г., а затем начнут уменьшаться. К тому же году выбросы CO_2 в расчете на единицу ВВП обещано снизить уже на 60% по сравнению с уровнем 2005 г.

Доля возобновляемых источников в энергобалансе к 2030 г. должна быть доведена до 20% (по официальным данным, доля «чистых» энергоносителей в 2022 г. достигала 25,9%, но к ним китайская статистика, помимо ветра и солнца, относила и гидро-, и атомную энергию, и даже природный газ) [National Bureau of Statistics of China]. Обнародовал Китай и свои планы по углеродной нейтральности: выступая в сентябре 2020 г. на Генассамблее ООН, Си Цзиньпин объявил о намерении достичь ее к 2060 г., т.е. десятилетием позже, чем в развитых странах.

3. Китай присоединился к Киотскому протоколу в 1998 г. и ратифицировал его в 2002 г. Но, по этому соглашению, четкие количественные обязательства по сокращению эмиссии парниковых газов брали на себя только развитые и европейские постсоциалистические страны, а Китай, как и другие развивающиеся страны, должен был лишь предоставлять информацию о своих вредных выбросах.

Центростремительные тенденции в экологической политике выразились прежде всего в попытках обеспечить бóльшую достоверность данных, передаваемых на вышестоящие уровни из местных экологических бюро. Министерство охраны окружающей среды (МООС) в 2007 г. учредило механизм верификации выполнения обязательных заданий по снижению загрязнений, заложенных в пятилетние планы. Для этого были задействованы созданные в 2006–2007 гг. шесть межпровинциальных центров контроля за охраной окружающей среды[4].

При этом ставилась задача сузить поле для возможных фальсификаций отчетности, поступающей с мест. До этого местные власти и предприятия могли уклоняться от установки контрольного оборудования или просто не включать его, но с 2007 г. информация о загрязнениях должна была поступать непрерывно в учрежденную МООС систему электронного мониторинга. С 2008 г. МООС стало проводить проверки данных по провинциям раз в полгода (в январе и июле). Межпровинциальные центры и провинциальные экологические бюро проверяют нижестоящие природоохранные службы в текущем режиме.

В ходе опросов, проводившихся китайской исследовательницей Чжан Сюэхуа, менеджеры компаний говорили, что работники экологических структур того или иного уровня теперь появляются у них на предприятиях через каждые три–пять дней. Чжан Сюэхуа констатировала, что мониторинг действительно ужесточился, возможностей для приписок стало меньше [Zhang Xuehua 2017, p. 751–752, 757–766].

Положения общенациональных экологических законов стали более конкретными. Вступившие с начала 2015 г. в силу поправки в Закон КНР о защите окружающей среды сняли ограничения на частоту штрафов для предприятий-загрязнителей, их теперь можно накладывать хоть каждый день. Это способствовало некоторой активизации местных экологических служб. Они чаще стали применять санкции против нарушителей, в том числе и крупных компаний, патронируемых влиятельными элитными группировками, а также принимать меры для закрытия или перемещения вредных производств.

Впрочем, врожденные дефекты партократической системы сказываются и на результативности всех этих мер. Та же Чжан Сюэхуа отмечает: местные экологические бюро стали в большей степени чувствовать контроль сверху, но они придумали и новые стратегии адаптации к нему. Через проверяющие инстанции проталкивается бумажная отчетность, более или менее соответст-

4. Восточный центр расположен в Нанкине, Южный – в Гуанчжоу, Северо-Западный – в Сиане, Юго-Западный – в Чэнду, Северо-Восточный – в Шэньяне, Северный – в Пекине. К тому или иному из этих центров приписана каждая из 31 административной единицы провинциального уровня.

вующая плановым наметкам. Часто это не более чем «игра цифрами», тогда как в реальной жизни серьезных усилий по ограничению вредных выбросов может и не предприниматься [ibid, p. 767–770].

Но надо сказать, что более решительными местные экологические бюро становятся в случаях, когда происходят техногенные аварии, сопровождающиеся выбросами опасных веществ, и это вызывает возмущенные отклики местных жителей. Локальные протесты из-за плохого состояния среды обитания вспыхивают в Китае один за другим. Если речь идет о ситуациях, когда бедные, малообразованные люди оказываются вынуждены жить возле химических и других вредных для здоровья производств, то протест может принимать форму массовых беспорядков.

Если же представители среднего класса, купив квартиры, обнаруживают, что они оказались по соседству с источником загрязнений, то они не только изливают недовольство в Интернете, но часто и координируют с помощью Сети свои действия, подают жалобы в органы власти, обращаются за помощью к НПО. Общенационального экологического движения в Китае нет, но к середине 2010-х годов в стране действовало определенное количество экологических НПО (в том числе и таких, которые были созданы по указанию властей) и подразделений международных природозащитных организаций. Сложился и круг журналистов, которые не боятся проводить расследования деятельности экологически «грязного» бизнеса и его поддержки со стороны властей. Спонтанно возникшие объединения граждан и НПО стали подключаться к контролю за соблюдением экологического законодательства и мониторингу деятельности не только предприятий-загрязнителей, но и региональных экологических служб. А временами и сами экологические бюро склонны полагаться на таких добровольных помощников.

Но и тут приходится делать оговорки. Вряд ли обоснованы ожидания, что обозначившаяся тенденция усиливающейся гражданской активности будет просто развиваться по восходящей. Деятельность экологических НПО и самоорганизация жителей по-прежнему допускаются партократическим государством только в тех пределах, которые кажутся ему приемлемыми. А в условиях общего ужесточения китайского политического режима при Си Цзиньпине экологическим активистам легко могут быть предъявлены обвинения в действиях, подрывающих общественную стабильность.

При прогнозировании дальнейшего развития ситуации надо принимать во внимание и то, что Китай пространственно очень неоднороден. В наиболее развитых провинциях восточного побережья уже вовсю происходит структурный сдвиг от обрабатывающей промышленности к экологически более безопасным отраслям сферы услуг. Именно на Востоке сложился средний класс, предъявляющий запрос на более здоровую среду обитания. У местных властей там есть финансовые ресурсы для проведения природоохранных

мероприятий, и они склонны достаточно последовательно реализовывать экологические установки, спускаемые из столицы. На Востоке дело движется, таким образом, к определенной гармонизации экономических и экологических приоритетов в политике, т.е. там переход к модели устойчивого развития не выглядит чем-то абстрактным, он вызревает из самой жизни.

Напротив, в относительно отсталых центральных и западных провинциях население все еще в массе своей относительно бедное, хуже образованное и менее активное, чем на Востоке. А власти там проявляют готовность привлекать к себе «грязные» производства с восточного побережья ради поддержания динамики экономического роста, для них природоохранные приоритеты по-прежнему остаются на втором плане. Поэтому может случиться и так, что экологическая ситуация в Центре и на Западе в ближайшей перспективе даже ухудшится, а перемещение оттуда воздушных масс и водных потоков на Восток будет и там сдерживать развитие позитивных тенденций.

Китаю, таким образом, предстоит пройти еще долгий путь к разрешению экологических проблем, и траектория этого движения будет во многом определяться характером структурных изменений, причем не только в экономике, но и в политической системе. Все это очень напоминает знаменитую китайскую легенду о старце Юй Гуне, который решил сравнять с землей две высокие горы по соседству с его домом и помогать ему в этом начинании пришлось самому Небесному Владыке.

* * *

Изучение бразильских и китайских практик наводит на мысли, что факторы ресурсной обеспеченности и характера политического режима с разной интенсивностью влияют на экологическую ситуацию в стране на отдельных стадиях ее развития. На восходящем участке ЭКК, т.е. в ранних фазах индустриализации, характер режима относительно малозначим: ухудшение экологической обстановки происходит по мере промышленного развития и в демократических, и в авторитарных государствах. Несколько лучшее, чем в Китае, положение дел с окружающей средой в Бразилии объясняется особенностями ее ресурсообеспеченности, а не конфигурацией политической системы. Но когда «поворотный пункт» ЭКК уже пройден, то демократический, инклюзивный характер политического режима ускоряет сдвиги в сторону улучшения экологической ситуации, тогда как механизмы партократического государства, скорее, препятствуют, чем способствуют дальнейшему движению вдоль ЭКК.

Исследование природоохранного опыта других стран БРИКС позволяет предвидеть проблемы, которые могут с новой силой проявиться по мере оживления экономического роста в России. Промышленно развитой страной

Россия стала еще в середине XX в., а в десятилетия рыночных реформ в отечественной экономике быстро развивалась сфера услуг. Но уже сейчас очевидно, что для ускорения динамики российскому хозяйству потребуется и «новая индустриализация».

В условиях стагнации прирост ВВП, занятости и фискальных доходов кажется несомненным приоритетом, но когда маховик экономики действительно закрутится побыстрее, то выяснится, что минимизация связанного с развитием экологического ущерба затрудняется асимметрией информационного обмена между различными уровнями федеративного государственного устройства России; распространенным слиянием власти и бизнеса, в том числе на региональном уровне; сохраняющейся зависимостью экономики от сырьевого экспорта. Уже сейчас нужно продумывать варианты действий по поддержанию баланса между хозяйственным развитием и экологической безопасностью в условиях будущего подъема, с учетом наработок и бразильского, и китайского опыта.

У сотрудничества РФ с этими странами БРИКС большой потенциал. В случае с Бразилией возможно заимствование технологий «точного сельского хозяйства» и производства биотоплива и их дальнейшее развитие на двусторонней основе. С Китаем тоже можно совместно заниматься развитием альтернативной энергетики. Но еще более важно создание на двусторонней основе комплексной системы мониторинга экологической обстановки, ибо кризисная экологическая ситуация в КНР создает непосредственные угрозы для благополучия соседних российских регионов.

Библиография

Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 3. С. 107–113.

Джандубаева Т.З., Ерофеева К.Ю. Глобальное изменение климата: пути правового регулирования в Бразилии // Юридическая наука. 2018. № 6. С. 46–48.

Мозиас П.М. Экологическая политика в Китае: вверх по лестнице, ведущей вниз? // Общество и государство в Китае. Т. XLVI, ч. 2. Москва, 2016. С. 274–314.

Рогожина Н.Г. Глобальная экологическая безопасность: позиция развивающихся стран // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 3–11.

Ahlers A., ShenYongdong. Breath Easy? Local Nuances of Authoritarian Environmentalism in China's Battle against Air Pollution // China Quartely, 2018. № 234. P. 299–319.

Bajay S.V. National Energy Policy: Brazil // Cutler J. (ed.) Encyclopedia of Energy. Cleveland. 2004. P. 111–125.

Código Florestal Brasileir // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL:http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto/1930-1949/D23793impressao.htm (дата обращения: 28.04.2023).

China's Fight against Climate Change and Environmental Degradation // Council on Foreign Relations. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/china-climate-change-policies-environmental-degradation (дата обращения: 20.04.2023).

Constituição da República Federativa do Brasil // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (дата обращения: 27.04.2023).

Decreto-lei № 221 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del0221compilado.htm (дата обращения: 27.04.2023).

Eaton S., Kostka G. Authoritarian Environmentalism Undermined? Local Leaders' Time Horizons and Environmental Policy Implementation in China // China Quartely. 2014. № 218. P. 359–380.

Estratégia Federal de Desenvolvimiento para o Brasil. URL: https://www.gov.br/economia/pt-br/assuntos/gestao/estrategia-federal-de-desenvolvimento/arquivos/efd-2020-2031_v2.pdf (дата обращения: 15.03.2023).

Guimarães de Araújo, Suely Mara Vaz. Environmental Policy in the Bolsonaro Government: The Response of Environmentalists in the Legislative Arena // Brazilian Political Science Review. 2020. Vol. 14. № 2.

Grossman G., Krueger A. Economic Growth and the Environment // Quartely Journal of Economics. 1995. Vol. 110. № 2. P. 353–377.

Kornai J. The Socialist System: the Political Economy of Communism. Princeton. 1992. 644 p.

Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. № 1. P. 1–28.

Lei № 5.197 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/L5197.htm (дата обращения: 27.04.2023).

Lei № 6.938 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.icmbio.gov.br/cma/images/stories/Legislacao/Leis/lei-6938-31-agosto-1981.pdf (дата обращения: 27.04.2023).

Lei № 9.605. URL: https://www.icmbio.gov.br/cma/images/stories/Legislacao/Leis/Lei__9605_98_Lei_de_Crimes_Ambientais.pdf (дата обращения: 27.04.2023).

Lieberthal K., Oksenberg M. Policy Making in China: Leaders, Structures and Processes. Princeton, 1988, 445 p.

Ministry of Ecology and Environment. 2021 State of Ecology and Environment Report Review. URL: http://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/soe/SOEE2019/202204/P020220407417638702591.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2022 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China. URL: http: //www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202302/t20230227_1918979.html (дата обращения: 02.03.2023).

Brazil: Energy Country Profile // Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/energy/country/brazil (дата обращения: 17.05.2023).

Porter M., Van der Linde C. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. 1995. № 97. P. 115–116.

Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, 1987. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (дата обращения: 17.05.2023).

Stern D. The Rise and Fall of the Environmental Kuznets Curve // World Development. 2004. Vol. 8. № 8. P. 1419–1439.

Trento D. Agriculture Innovation Agenda in Brazil. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/msmes_e/brazil_240621.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

World Bank. China Economic Update: Investing in High-quality Growth. May 2018. International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank. 2018. 25 p.

Zhang Xuehua. Implementation of Pollution Control Targets in China : Has a Cenralized Enforcement Approach Worked? // China Quartely. 2017. № 231. P. 749–774.

Zheng Siqi, Kahn M. A New Era of Pollution Progress in Urban China? // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. № 1. P. 71–92.

References

Ahlers A., ShenYongdong. Breath Easy? Local Nuances of Authoritarian Environmentalism in China's Battle against Air Pollution // China Quartely. 2018. N 234. P. 299–319.

Bajay S.V. National Energy Policy: Brazil // Cutler J. (ed.) Encyclopedia of Energy. Cleveland. 2004. P. 111–125.

Bobylev S.N. Ustoychivoye razvitiye: paradigma dlya budushego [Sustainable Development : A Paradigm for Future] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodniye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2017. N 3. P. 107–113.

Brazil: Energy Country Profile // Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/energy/country/brazil (date of access: 17.05.2023).

China's Fight against Climate Change and Environmental Degradation // Council on Foreign Relations. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/china-climate-change-policies-environmental-degradation (date of access: 20.04.2023).

Código Florestal Brasileir // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL:http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto/1930-1949/D23793impressao.htm (date of access: 28.04.2023).

Constituição da República Federativa do Brasil // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (date of access: 27.04.2023).

Decreto-lei № 221 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del0221compilado.htm (date of access: 27.04.2023).

Dzhandubaeva T.Z., Yerofeeva K.Y. Globalnoe izmenenie kilmata: puti pravovogo regulirovaniya v Brazilii [Global Climate Change: Legislation in Brazil] // Yuridicheskaya nauka [Legal science]. 2018. N 6. P. 46–48.

Eaton S., Kostka G. Authoritarian Environmentalism Undermined? Local Leaders' Time Horizons and Environmental Policy Implementation in China // China Quartely. 2014. N 218. P. 359–380.

Estratégia Federal de Desenvolvimiento para o Brasil. URL: https://www.gov.br/economia/pt-br/assuntos/gestao/estrategia-federal-de-desenvolvimento/arquivos/efd-2020-2031_v2.pdf (date of access: 15.03.2023).

Grossman G., Krueger A. Economic Growth and the Environment // Quartely Journal of Economics. 1995. Vol. 110. N 2. P. 353–377.

Guimarães de Araújo, Suely Mara Vaz. Environmental Policy in the Bolsonaro Government: The Response of Environmentalists in the Legislative Arena // Brazilian Political Science Review. 2020. Vol. 14. N 2.

Kornai J. The Socialist System: the Political Economy of Communism. Princeton. 1992. 644 p.

Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. N 1. P. 1–28.

Lei N 5.197 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/L5197.htm (date of access: 27.04.2023).

Lei N 6.938 // Presidência da República. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: https://www.icmbio.gov.br/cma/images/stories/Legislacao/Leis/lei-6938-31-agosto-1981.pdf (date of access: 27.04.2023).

Lei N 9.605. URL: https://www.icmbio.gov.br/cma/images/stories/Legislacao/Leis/Lei__9605_98_Lei_de_Crimes_Ambientais.pdf (date of access: 27.04.2023).

Lieberthal K., Oksenberg M. Policy Making in China: Leaders, Structures and Processes. Princeton.1988. 445 p.

Ministry of Ecology and Environment. 2021 State of Ecology and Environment Report Review. URL : http://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/soe/SOEE2019/202204/P020220407417638702591.pdf (date of access: 20.04.2023).

Mozias P.M. Ekologicheskaya politika v Kitaye: vverh po lestnice, vedushei vhiz? [Ecological Policy in China : Up the Stairs Going Down?] // Obshestvo i gosudarstvo v Kitaye [State and Society in China]. Vol. XLVI. Part 2. Moscow. 2016. P. 274–314.

Porter M., Van der Linde C. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. 1995. N 97. P. 115–116.

Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, 1987. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (date of access: 17.05.2023)

Statistical Communique of the People's Republic of China on the 2022 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China. URL: http: //www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202302/t20230227_1918979.html (date of access: 02.03.2023).

Stern D. The Rise and Fall of the Environmental Kuznets Curve // World Development. 2004. Vol. 8. N 8. P. 1419–1439.

Trento D. Agriculture Innovation Agenda in Brazil. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/msmes_e/brazil_240621.pdf (date of access: 20.05.2023).

World Bank. China Economic Update: Investing in High-quality Growth. May 2018. International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank. 2018. 25 p.

Zhang Xuehua. Implementation of Pollution Control Targets in China : Has a Cenralized Enforcement Approach Worked? // China Quartely. 2017. N 231. P. 749–774.

Zheng Siqi, Kahn M. A New Era of Pollution Progress in Urban China? // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. N 1. P. 71–92.